

В. А. Лившиц, В. Ю. Зуев

О ДАТИРОВКЕ ПАРФЯНСКИХ НАДПИСЕЙ НА ФИАЛАХ ИЗ КУРГАНА 1 У ДЕРЕВНИ ПРОХОРОВКА

В 1911 г. крестьяне, раскапывавшие курганные погребения у дер. Прохоровка Оренбургской губернии, нашли в кургане 1 (по нумерации С.И. Руденко) среди погребального инвентаря два серебряных сосуда (рис. 1, 2) с краткими надписями письмом арамейского происхождения, нанесенными точечным пунктиром (*pointillé*) на бортиках сосудов¹. М.И. Ростовцев, которому наука обязана первым исследованием прохоровских находок², сообщил о сосудах Я.И. Смирнову, прославившемуся публикациями и исследованием восточной торевтики³, и семитологу академику П.К. Коковцову.

В 2002 г. стали известны новые архивные материалы подготовительных работ Коковцова к прочтению прохоровских надписей, что позволяет нам вновь вернуться к этой теме⁴.

«26. IV. (9.V) 1918

3 рота Изм<айловского> полка. д. 11

Глубокоуважаемый
Михаиль Ивановичь,

Позволяю себѣ напомнить Вамъ передъ Вашимъ отъездомъ за границу о Вашемъ любезномъ обещаніи сообщить мнѣ точный вѣсъ одного изъ блюдовъ, найденныхъ въ с. Прохоровкѣ, именно блюда, изображеннаго на табл. 1 № 2 (согласно Вашему указанію).

Меня этотъ вопросъ очень интересуетъ въ связи съ дешифровкой текста на этомъ блюде ^{надписи}, состоящей, какъ я уже Вамъ писалъ, только изъ аббревіатуръ и цифровыхъ знаковъ. ^{Согласно моего чтенія надписи}, вѣсъ этого блюда долженъ равняться 1) по одному подсчету – ± 291 gr.⁵; 2) по другому подсчету – ± 436 gr. Первая цифра пред-

¹ Историю раскопок курганов у дер. Прохоровка см. Зуев В.Ю. Сарматская концепция М.И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел. М., 2003. С. 593–598; *он же*. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье. СПб., 2003. С. 5–45 (археологические экспедиции Государственного Эрмитажа).

² Ростовцевъ М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи ранняго и поздняго эллинизма. Съ приложеніями академика П.К. Коковцова и С.И. Руденко. Пг., 1918 (МАР. № 37).

³ Смирновъ Я.И. Восточное серебро. Атласъ древней серебряной и золотой посуды восточнаго происхожденія, найденной преимущественно въ пределахъ Россійской имперіи. СПб., 1909.

⁴ См. Лившиц В.А. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2. С. 160–170. Эта работа была написана еще до находки в архиве П.К. Коковцова «Материалов для статьи об арамейских надписях на блюдах из Прохоровки».

⁵ На полях письма, под указанной цифрой рукою Коковцова позднее карандашом отмечено: 302, 40 <gr>. Это свидетельствует о новых результатах, которые были получены Коковцовым при пересчете, сделанном, вероятнее всего, уже после отправки письма Ростовцеву.

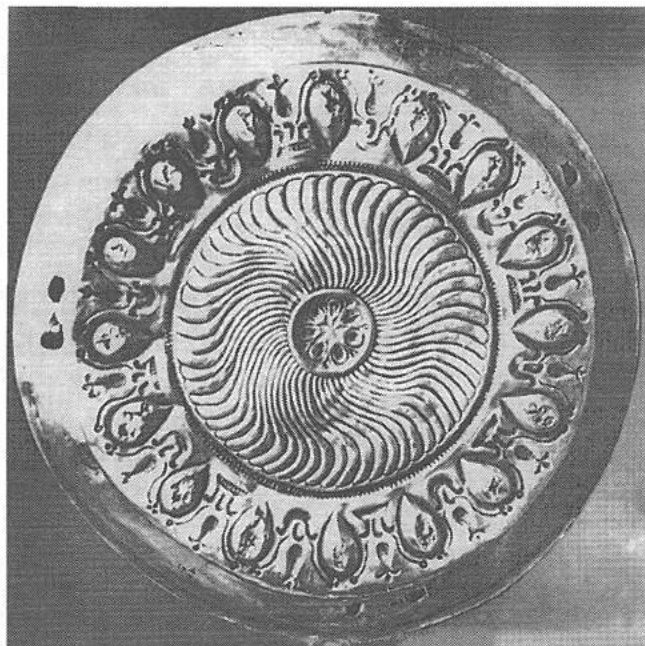

Рис. 1. Серебряный фиал № 1 с пуансонной надписью «Чаша Атромитра». В настоящее время хранится в Центральном музее Казахстана (Алма-Ата). Фото А.В. Попова. Оренбург, 1916 г.

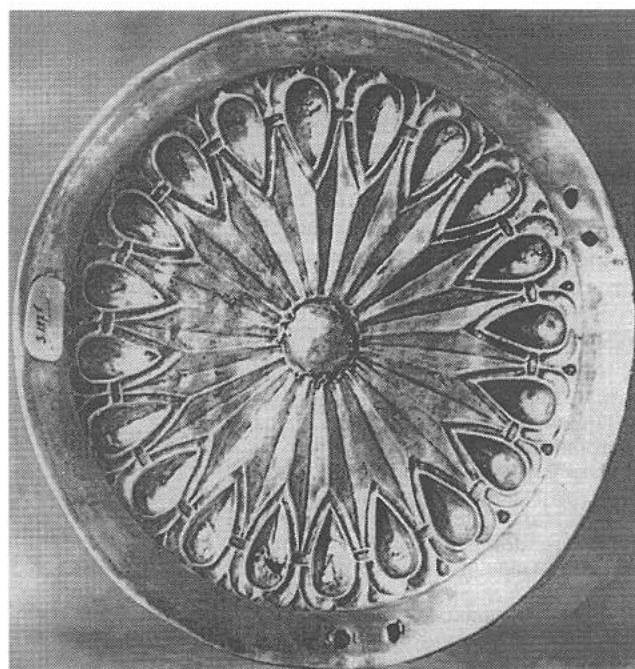

Рис. 2. Серебряный фиал № 2 с пуансонной надписью «5 к<аршей>, 2 с<татера>, драма 1». В настоящее время хранится в Оренбургском областном краеведческом музее (Оренбург). Фото А.В. Попова. Оренбург, 1916 г.

"Имперский арамейский"		Парфянский									
	Элефантина	Арахосия	Ниса	Кумис	Коша-депе	Авромак III	Мера	Низгур	Дура-Европос Остраки	Дура-Европос Пергамент	Сасан. таблички
·	𐤀𐤀𐤀	𐤀𐤀𐤀	𐤀𐤀𐤀𐤀𐤀	𐤀𐤀	𐤀𐤀𐤀𐤀	𐤀𐤀𐤀𐤀(-)		𐤀𐤀𐤀𐤀(-)	𐤀𐤀𐤀𐤀	𐤀(-) 𐤀𐤀	𐤀
B	𐤁𐤁	𐤁𐤁	𐤁𐤁𐤁𐤁𐤁	𐤁	𐤁	𐤁𐤁	𐤁	𐤁𐤁(B-)	𐤁(B-) 𐤁(B-) 𐤁𐤁	𐤁(?) 𐤁𐤁	𐤁
G	𐤂𐤂𐤂	𐤂𐤂	𐤂𐤂𐤂	𐤂	𐤂	𐤂𐤂	𐤂𐤂		𐤂𐤂	𐤂𐤂	𐤂
D	𐤃𐤃	𐤃𐤃	𐤃𐤃	𐤃	𐤃	𐤃𐤃	𐤃𐤃	𐤃	𐤃𐤃	𐤃𐤃	𐤃
H	𐤄𐤄𐤄	𐤄𐤄	𐤄𐤄𐤄		𐤄𐤄	𐤄𐤄	𐤄𐤄	𐤄𐤄𐤄	𐤄𐤄	𐤄	𐤄
W	𐤅𐤅𐤅	𐤅𐤅	𐤅𐤅		𐤅𐤅	𐤅𐤅𐤅𐤅(-W)	𐤅𐤅	𐤅𐤅	𐤅(-W) 𐤅𐤅𐤅	𐤅 𐤅(-W) 𐤅	𐤅
Z	𐤆𐤆	𐤆𐤆	𐤆𐤆𐤆	𐤆(or-N?)	𐤆	𐤆	𐤆𐤆	𐤆𐤆	𐤆𐤆	𐤆𐤆	𐤆
H	𐤇𐤇𐤇	𐤇𐤇𐤇	𐤇𐤇𐤇𐤇𐤇		𐤇𐤇	𐤇𐤇𐤇		𐤇𐤇	𐤇𐤇	𐤇𐤇	𐤇
T	𐤈𐤈	𐤈	𐤈𐤈								𐤈
J	𐤉𐤉𐤉𐤉	𐤉𐤉	𐤉𐤉	𐤉	𐤉𐤉	𐤉𐤉	𐤉𐤉	𐤉𐤉	𐤉𐤉	𐤉𐤉	𐤉
K	𐤊𐤊	𐤊𐤊	𐤊𐤊𐤊𐤊(K-)	𐤊	𐤊	𐤊𐤊	𐤊𐤊	𐤊(-K)	𐤊𐤊𐤊𐤊(-K)	𐤊(N-) 𐤊(K-)	𐤊
L	𐤋𐤋𐤋	𐤋𐤋	𐤋𐤋𐤋		𐤋𐤋	𐤋𐤋	𐤋	𐤋𐤋𐤋(𐤋)	𐤋	𐤋𐤋𐤋(𐤋)	𐤋
M	𐤌𐤌𐤌	𐤌𐤌	𐤌𐤌𐤌	𐤌(?)	𐤌𐤌	𐤌𐤌	𐤌	𐤌𐤌𐤌𐤌	𐤌𐤌𐤌𐤌	𐤌𐤌𐤌	𐤌
N	𐤍𐤍𐤍	𐤍𐤍	𐤍𐤍𐤍(-N)	𐤍	𐤍	𐤍𐤍(-N)	𐤍	𐤍𐤍𐤍(-N)	𐤍𐤍(-M) 𐤍(-M)	𐤍(-N)	𐤍
S	𐤎𐤎𐤎𐤎	𐤎𐤎	𐤎𐤎𐤎	𐤎(?)	𐤎𐤎	𐤎𐤎	𐤎𐤎	𐤎𐤎𐤎𐤎	𐤎𐤎	𐤎𐤎	𐤎
C	𐤏𐤏𐤏	𐤏𐤏	𐤏𐤏𐤏					𐤏		𐤏	𐤏
P	𐤐𐤐𐤐	𐤐𐤐	𐤐𐤐𐤐	𐤐(?)	𐤐𐤐	𐤐𐤐	𐤐𐤐	𐤐𐤐𐤐	𐤐𐤐	𐤐𐤐	𐤐
S	𐤑𐤑									𐤑(?)	𐤑
Q	𐤒𐤒𐤒	𐤒𐤒	𐤒𐤒𐤒		𐤒	𐤒				𐤒	𐤒
R	𐤓𐤓	𐤓	𐤓𐤓𐤓	𐤓	𐤓	𐤓𐤓𐤓𐤓(-R)	𐤓𐤓	𐤓𐤓𐤓(-R)	𐤓𐤓𐤓(-R)	𐤓𐤓	𐤓
Š	𐤔𐤔𐤔	𐤔𐤔	𐤔𐤔𐤔		𐤔𐤔	𐤔𐤔	𐤔	𐤔𐤔	𐤔𐤔𐤔	𐤔𐤔𐤔	𐤔
T	𐤕𐤕𐤕	𐤕𐤕	𐤕𐤕𐤕𐤕(-T)	𐤕𐤕	𐤕𐤕	𐤕𐤕𐤕(-T)	𐤕	𐤕𐤕𐤕(-T)	𐤕𐤕	𐤕𐤕	𐤕

Палеографическая таблица парфянского письма

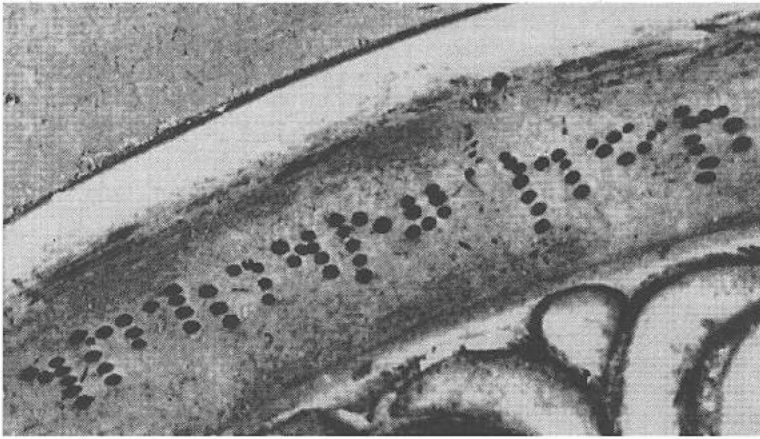

Рис. 3. Пуансонная надпись с фиала № 1. Фото А.В. Попова. Оренбург, 1916 г.

ставляется мнѣ болѣе вѣроятной по соображеніямъ, основывающимся на метрологическихъ данныхъ элѣфантинскихъ папирусовъ. Позвольте разсчитывать на обещанныя Вами разъясненіе этого вопроса.

Искренно уважающій Васъ

П. Коковцовъ⁶.

В другом письме, опубликованном в качестве краткого приложения к книге Ростовцева «О надписяхъ на серебряныхъ блюдахъ», Коковцов дал чтение надписи на сосуде № 1 (в письме они неточно именовались «блюдами»; на самом деле это неглубокие чаши-фиалы)⁷. Надпись на первом фиале содержит всего два слова — название сосуда и имя его владельца. Коковцов читал их как *tašti Athromithr* «чаша Атромитра» (рис. 3). В принятых сейчас в иранистике транслитерации и транскрипции этому чтению соответствует *tšty 'trwmtr = tašī (или tašē) Ātarmīhr*. Имя владельца имеет буквальное значение: «(Созданный) божеством Огня и Митрой», ср. суффиксальный дериват этого имени в *'trwmtrk*, засвидетельствованный в семи парфянских документах на остраках II в. до н.э. — I в. н.э. из раскопок винохранилищ Старой Нисы, а также среднеперсидское (сасанидской эпохи) имя *Ādur-Mīhr*. Следует заметить, что среди иранистов до сих пор идут споры по поводу того, как следует транскрибировать парфянское *'trw* в именах собственных, календарных терминах и обозначениях храмов огня. В парфянских манихейских текстах III–VI вв. н.э. (основном источнике сведений о парфянском языке этого периода) «огонь» обозначался словом *'dwr = ādur*, заимствованным из среднеперсидского. Написание *'trw* возникло, очевидно, еще в арамейских передачах древнеиранских имен, выработавшихся в ахеменидских канцеляриях VI–IV вв. до н.э. Ср., например, *'trwprn* в арамейских документах V в. до н.э. из Элефантины, передающее древнеиранское имя *Ātrfarnah-* «(Созданный) божеством Огня и фарном» (гением счастья, харизмы, легитимной власти), соответствующее авестийскому *Atərə-x'arənah-*, а также имя мидийского сатрапа *Ātropāt*, легшее в основу топонима *Ātropātakān* (совр. Азербайджан).

⁶ ПФА РАН. Ф. 779. Оп. 1. № 17. Л. 1.

⁷ Коковцовъ П.К. О надписяхъ на серебряныхъ блюдахъ // Ростовцевъ. Курганная находка... С. 82–83.

Можно, таким образом, полагать, что написание *'trw* – наследие арамейских транслитераций древнеиранских имен с компонентом *Ātr-*, причем *-rw-* передавало др.-ир. слоговой сонант *|r|* еще до перехода др.-ир. *-r-* в *ur-* в позициях после *t, z, š*.

Обозначение сосуда в надписи № 1 – *tšty* хорошо известно в среднеиранской эпиграфике. Оно восходит к древнеиранскому **tašta* – «вырезанное, выдолбленное», засвидетельствованному в Авесте, и этимологически связано с русским «тесать» (протоиндоевропейский корень **te'kǵ-*)⁸. Появление конечного *-u* в *tšty* мы будем рассматривать ниже в связи с проблемой датировки надписи.

Коковцов колебался в определении письма и языка первой прохоровской надписи (чтения второй он не привел). Он писал, что первая надпись «заклучает в себе под оболочкой арамейского письма чисто персидский контекст»⁹. «Персидский» здесь, в неточной терминологии семитолога, несомненно, синоним «иранского» или, по современной лингвистической классификации, «среднеиранского». Но и сам Коковцов понимал, что речь идет об одном из среднеиранских языков – парфянском, ибо ниже он писал, что форма первой буквы – семитского *ʿ* *алефа* в имени собственном *'trwmtr* – позволяет отнести надпись ко времени «возникновения древнейшего пехлевийского письма первых веков парфянского господства»¹⁰. Таким образом, следуя определению Коковцова, прохоровские надписи начертаны раннепарфянским письмом арамейского происхождения и могут быть датированы весьма широко – от второй половины III в. до н.э. до II–I вв. до н.э., а возможно, и I в. н.э. Не исключал Коковцов и самой ранней даты – IV в. до н.э.

Палеографические характеристики прохоровских надписей, судя по опубликованным фотографиям в книге Ростовцева¹¹, а также фотографиям, хранящимся в архиве Я.И. Смирнова¹², не позволили исследователям начала XX века определить сколько-нибудь точную дату этих надписей. Прохоровских фиалов в оригиналах ни Смирнов, ни Коковцов не видели. В настоящее время фиал № 1 находится в фондах Центрального музея Казахстана (г. Алма-Ата)¹³. Фиал № 2 хранится в Оренбургском краеведческом музее; надпись на нем была сфотографирована и эстампирована В.Ю. Зуевым в 1997 г.; он же нашел и весьма четкие фотографии обеих надписей, сделанные в 1916 г., позволяющие дать уверенное чтение надписей¹⁴.

⁸ Подробнее о происхождении *tašt* и производных от этого слова в арабском, армянском, грузинском, турецком и европейских языках см. *Лившиц В.А.* Три серебряные чаши из Исаковского могильника 1 // ВДИ. 2002. № 2. С. 44–46; ср. *он же.* О датировке надписей... С. 161–162.

⁹ *Коковцовъ.* О надписяхъ... С. 82.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ *Ростовцевъ.* Курганныя находки... С. 16. Табл. I.

¹² ФА ИИМК РАН. Ф. 19133. Q 707–783. Инв. № 334–1096.

¹³ См. об этом: *Зуев.* Материалы к истории... С. 65.

¹⁴ Оговариваем это специально, поскольку недавно А.С. Скрипкин, В.М. Клепиков и М.Г. Мошкова усомнились в возможности правильного прочтения и истолкования надписей. Их сомнения основаны на отрывочном цитировании статьи, посвященной прохоровским надписям. Указанные авторы пишут: «Давно ожидаемая статья Лившица, появившаяся наконец в 2001 г., как нам представляется, не внесла окончательной ясности в вопрос датировки кургана. Высказывания В.А. Лившица в этой статье достаточно противоречивы. На с. 161 он пишет: “Палеографические характеристики прохоровских надписей, судя по опубликованным в работе Ростовцева фотографиям и фотоматериалам, хранящимся в архивном фонде Я.И. Смирнова <...> не дают возможности определить сколько-нибудь точную дату этих надписей”. А на с. 169 мы

Парфянская письменность возникла, вероятно, во второй половине III в. до н.э., вскоре после создания Аршакидского государства (ок. 250 г. до н.э., аршакидская эра была введена в 247 г. до н.э.). Об арамейском прототипе этой письменности можно судить как по памятникам «имперско-арамейского» (западноарамейское койнэ, которым пользовались в делопроизводстве ахеменидских и раннеселевкидских канцелярий), так и по легендам на монетах селевкидского сатрапа Андрагора (где его имя передается как *ndgwr*) и эмиссиям Вахшуvara (*whšwvr*, букв. «верящий в Вахшу» – обожествленная р. Оксус = Амударья)¹⁵. Главные – «диагностирующие» – признаки парфянского письма, отличающие его от предка – «имперско-арамейского», арамейского алфавита, употреблявшегося в качестве основного средства письменного общения в канцеляриях империй Ахеменидов и ранних Селевкидов, это формы букв *алеф*, *самех* (*s*) и *пэ* (*p*). Наиболее ранний из найденных при раскопках винохранилищ на городище Старой Нисы (парфянское название города – *Mtrdtkrt* = *Mihrdātkirt*, букв. «город, (созданный) Михрдатом», по-видимому, Митридатом I, ок. 171–138 гг. до н.э., хотя город существовал, несомненно, уже во второй половине III в. до н.э.) парфянских хозяйственных документов на остраконах датирован 97 г. аршакидской эры, т.е. 151/50 г. до н.э.¹⁶ По палеографии – раннее деловое парфянское письмо, лишенное лигатур, – этот текст не отличается от основного массива документов на остраконах из Старой и Новой Нисы (более 2780 текстов), относящихся к периоду от середины II в. до н.э. до первой четверти I в. н.э. Сходны начертания букв и в нескольких парфянских надписях на керамических сосудах и на остраконах, найденных на нескольких памятниках Южного Туркменистана, Восточного Ирана (городище древнего Кумиса, соответствующее, вероятно, одной из аршакидских столиц – Гекатомпилам античных авторов) и Южной Месопотамии (находки в развалинах крепости Нишпур). О палеографии этих ранних парфянских текстов, относящихся ко II в. до н.э. – I–II вв. н.э., можно получить представление из таблицы¹⁷. К сожалению, в этой таблице не отра-

читаем: «Я считаю возможным датировать надписи на прохоровских фиалах – по палеографическим данным и “псевдопадежной” форме *īštu* в первой надписи – II или, скорее, I в. до н.э.» (Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. 2002. № 1. С. 110). К сожалению, в этом сопоставлении цитат из разных частей статьи Лившица не учтено, что в первой цитате речь шла о трудностях работы с публикацией Ростовцева и архивными материалами Смирнова. Но наша работа по чтению надписей велась по четким фотографиям (как имевшимся у Ростовцева и хранящимся ныне в архивах Смирнова и Коковцова, так и сделанным в последние годы в музеях Алма-Аты и Оренбурга), а также по эстампажу второй надписи, что позволило установить точное чтение и датировать надписи по палеографическим и лингвистическим данным. Следует отметить, что сомнения указанных авторов очень близки нигилистической позиции В.Н. Васильева, считающего, что чтение надписей вообще ничего не дает пониманию археологического материала из Прохоровки. См. Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. С. 174. Прим. 21.

¹⁵ См. Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4. С. 4–19.

¹⁶ Фотографию документа см. в альбоме: *Diakonoff I.M., Livshits V.A. Parthian Economic Documents from Nisa. Plates V* / Ed. D.N. MacKenzie. L., 1999. Pl. 946 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. V. III. Pt II). Издание документа (транслитерация, английский перевод): *Diakonoff I.M.* (†), *Livshits V.A. Parthian Economic Documents from Nisa. Text I with glossary* / Ed. D.N. MacKenzie, A.N. Bader, N. Sims-Williams. L., 2001. P. 202 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. V. III. Pt II).

¹⁷ См. также таблицу в ст.: *Лившиц В.А.* Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирака // Эпиграфика Востока. JL, 1984. Т. XXI. С. 20–21. Ср. таблицу среднеперсидских письменностей арамейского происхождения в ст.: *Delannay J.A.* L'araméen d'empire et les débuts de l'écriture en Asie Centrale // *Commémoration Cyrus. Hommage universel.* II. Téhéran – Liège, 1974. P. 219–236 (Acta Iranica. T. 2).

жены формы букв парфянских надписей на торевтике, в том числе прохоровских, и содержащихся на серебряных сосудах из коллекции Мохсена Форуги (эти надписи были прочтены и изданы Ф. Жинью)¹⁸. Особенно близка к прохоровской надписи № 1 надпись на фиале из коллекции Форуги, нанесенная, как и прохоровская, точечным пунктиром: *tšt mtrdt MN ZWZYN I C 5* «Чаша (принадлежит) Михрдату. Из 105 драхм» (вес фиала – 425 г)¹⁹.

Форма *tšty*, с конечным -у, в прохоровской надписи, не может быть простым орфографическим вариантом к *tšt* «чаша» – слову, известному ныне по хорезмийским, среднеперсидским и парфянским надписям на торевтике. В парфянском языке во второй половине III – начале II в. до н.э. древнеиранская шестипадежная система флексий имен существительных в формах единственного числа редуцировалась в трехпадежную: именительный падеж с нулевой флексией; родительно-дательный с флексией -*ya* (из древнепарфянского *-*ahya*), выступающий, в частности, в качестве падежа субъекта действия при формах переходных глаголов, образованных от древнего причастия перфекта²⁰; косвенный, употреблявшийся главным образом в конструкциях с предлогами. В документах из Нисы две последние падежные формы уже мертвые, реально в языке не существовавшие, их флексии выписываются нерегулярно как орфографический архаизм (парфянская орфография была исторической). Так, слово *mdwbr = madubar* «доставщик вина, wine-factor» в сочетании с глагольной формой, имеющей значение «принес, доставил» (в документах гетерограмма *HYTY / HYTYw*, соответствующая, вероятно, парфянскому *āwast* или *wāst*), имеет три орфографических варианта: *mdwbr, mdwbry, mdwbry'*. Последние два соответствуют формам *madubarī* и *madubaraya* (из древнего *madubarahya), которые уже во II–I вв. до н.э. исчезли, оставив лишь след в орфографических архаизмах, грамматически нерелевантных. В сочетаниях с предлогами *hač* (идеограмма *MN*) «из» и *andar* «в» (идеограмма *B*) в документах из Нисы одни и те же существительные пишутся то с конечным -у, то без этого форманта: *MN 'rtbnwkn, MN pryptykn // MN 'rtbnwkn, MN pryptykny* «из (имений) Artabanukan, Friyaraṭkan» и т.п. Формант -у встречается и в именах собственных лиц, причем и в этих случаях он также не имеет грамматической нагрузки, выступая в тех же синтаксических конструкциях, что и форма без -у: *Hāman (h'mn)* (док. № 2608), *h'mny Gōdat – gwdt* (№ 2596) и *gwdty* (№ 2601), а также многие другие²¹. В более поздних парфянских текстах «паразитический» конечный -у встречается еще более часто. Так, в парфянской версии надписи Шапура I на так называемом «Ка бе Зороастра» (Накш-и Рустам в Парсе, ок. 253 г. н.э.) конечный -у выступает в именах собственных лиц: *'bdgšy, 'dwyrpy, 'nwsšy, 'hwrnzddwhtky*, и многие другие²².

Форма *tšty* с -у в первой прохоровской надписи объясняется сходным образом: перенос мертвого, уже флективного показателя косвенного падежа на существительное, выступающее в функции «именительного» в эпоху, когда в

¹⁸ *Gignoux Ph. Coupes inscrites de la collection Mohsen Foroughi // Monumentum H.S. Nyberg. I. Leiden, 1975. P. 270–271. Pl. XXIII–XXIV. Fig. 1–4.*

¹⁹ Ср. чтение Жинью (*Gignoux. Coupes inscrites... P. 271*): *lwmt(r)y(n) MN ZWZYN I C 5*.

²⁰ Ср. *Gershevitch I. Genealogical descent in Iranian // Bulletin of the Iranian Culture Foundation. Tehran, 1973. V. 1. Pt 2. P. 75–76.*

²¹ *MacKenzie D.N. Some names from Nisa // Древняя и средневековая история и филология. М., 1968. С. 105–115 (Переднеазиатский сборник. Вып. IV).*

²² *Huyse Ph. Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I. an der Ka ba-i Zardušt (ŠKZ). Bd I. L., 1999 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt III. V. I. Texts I).*

парфянском бытовала лишь одна – несклоняемая – форма существительных в единственном числе. Таким образом, форма *tštu* свидетельствует о сравнительно поздней дате надписи – не ранее II–I вв. до н.э., а возможно, и I в. н.э.

М.И. Ростовцев колебался в выборе даты прохоровских надписей. Он приводил то самый ранний вариант Коковцова – IV в. до н.э. и считал письмо надписей «общеарамейским»²³, то более поздний – III–II вв. до н.э. и даже I в. до н.э. В работах Ростовцева, опубликованных после эмиграции, датировки прохоровских надписей и всего курганного комплекса Прохоровки также далеки от единообразия. В 1922 г. он писал, что невозможно дать точную датировку прохоровских погребений, но скорее всего они относятся к IV–III вв. до н.э.²⁴ В 1931 г. Ростовцев пришел к выводу, что прохоровские сосуды, судя по надписям, датируются II–I вв. до н.э., хотя не исключал и IV в. до н.э.²⁵ Отсутствие сколько-нибудь точных датировок прохоровских надписей характерно и для всей обширной литературы, посвященной прохоровским курганам и характеристике сарматской культуры в целом или ее частных проблем. Такое положение сохраняется до наших дней²⁶. Критики работ по созданию новой хронологии прохоровских древностей не приносят в этот вопрос ничего конструктивного²⁷.

В данной работе мы не ставим задачу подробного анализа датировки археологических находок в кургане I у дер. Прохоровка, поскольку этому одним из авторов было посвящено диссертационное исследование²⁸. Касаясь филологического аспекта данной проблемы, В.А. Лившиц считает возможным датировать надписи на прохоровских фиалах – по палеографическим данным и «псевдопадежной» форме *tštu* надписи на сосуде № 1 – в интервале от рубежа II–I вв. до н.э. до I в. н.э. Следует при этом учитывать, что сами фиалы были значительно старше надписей, начертанных владельцами сосудов. Прохоровские фиалы могли быть изготовлены в III или даже в IV в. до н.э., но в курганное погребение, где они были найдены превращенными в конские фалары, фиалы могли быть помещены вряд ли ранее I в. до н.э.

Надпись на втором прохоровском фиале содержит обозначение веса: *k 5 s 2 ZWZ' 1* «5 к<аршей>, 2 с<татера>, драхма 1» (рис. 4). Аббревиатура *k* для парфянского *karš (древнеперсидское *karša-* или *krša-*) известна также и для двух других парфянских надписей на торевтике: на фиале, найденном (вместе с двумя сосудами с раннехорезмийскими надписями) в Исаковском могильнике²⁹, эта надпись гласит: *k 10 + 5 s 1 ZWZ' 1* – «15 к<аршей>, 1 с<татер>, драхма 1» и на золотой (так называемой «двойной») чаше из собрания Государственно-

²³ Ростовцев М. И. Курганья находки... С. 16.

²⁴ Rostowzew M. Iranians and Greeks in South Russia. The Clarendon Press. Oxf., 1922. P. 124.

²⁵ Idem. Skythien und der Bosphorus. Bd I. В., 1931. S. 434.

²⁶ Зуев В. Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // СΥΣΣΤΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 304–330.

²⁷ Отрицая новые датировки Прохоровских курганов, М. Г. Мошкова, например, вообще выводит этот памятник из научного оборота. В ряде работ она следующим образом характеризует курганы у дер. Прохоровка: «Это разрушенный памятник и для дискуссии о хронологии прохоровской культуры он не должен привлекаться» (Мошкова М. Г. Что такое III в. до н.э. в истории сарматов? // Историко-археологические исследования на Нижнем Дону в 1998 г. Азов, 2000. С. 338. Ср. ту же идею: Мошкова М. Г. О наиболее проблемных сарматской археологии // Накад. Дмитри Сергеевич Раевски. 'αλοθέσις. София, 2001. С. 244–249 (Миф. Вып. 7); Скрипкин, Клепиков, Мошкова. Об одной попытке...). О неконструктивности такого подхода свидетельствуют и результаты новых раскопок Прохоровских курганов 2003 г. (руководитель раскопок – Л. Т. Яблонский), когда в курганах, не полностью исследованных в 1916 г. С. И. Руденко, было открыто около трех десятков погребений с очень ярким погребальным инвентарем.

²⁸ Зуев В. Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 24 с.

²⁹ Лившиц. Три серебряные чаши... С. 55.

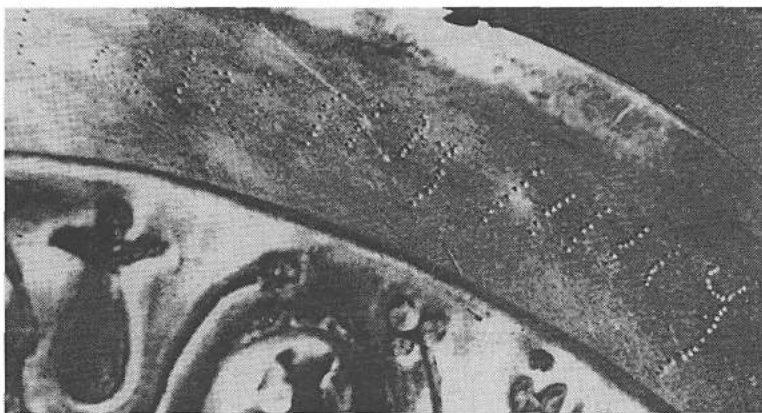

Рис. 4. Пуансонная надпись с фиала № 2. Фото А.В. Попова. Оренбург, 1916 г.

го Эрмитажа, публиковавшейся неоднократно, последний раз и наиболее детально К.В. Тревер³⁰. В этой надписи читаем: *k 9 s 1 ZWZN 3 MN kryhw* – «9 к<аршей>, с<татер> 1, драхм 3. Из (имущества) Кариахва(?)».

Древнеперсидская мера веса *karša*- равнялась 83.3 г (=10 сиклей); статер весил около 16.5 г; вес драхмы колебался от 4.25 до 4 г. Таким образом, вес второго прохоровского фиала составит около 425 г. В действительности же он равен 436 г³¹. Эта разница заставляет предположить колебание в весах карша, статера и драхмы в Парфии, чему следует искать дополнительное объяснение³². Исаковский фиал с парфянской надписью должен весить около 1256 г. Вес эрмитажной чаши, согласно принятым нами величинам мер, составит 756 г. Реальный ее вес, приводимый Тревер, равен 677.5 г. Разница почти в 78 г объясняется, очевидно, утратами в золотой чаше «инкрустаций “холодной эмалью” и вставных кусков цветного камня или стекла»³³.

ON DATING PARTHIAN INSCRIPTIONS ON GOBLET FROM BARROW 1 NEAR PROKHOROVKA

V. A. Livshits, V. Yu. Zuev

The article contains a translation, commentary and dating of two Parthian inscriptions made on silver goblets found in 1991 in the course of excavations of barrow No. 1 near Prokhorovka village (Orenburg region, the Southern Urals). Palaeographic analysis of the inscriptions permits to date them within the 2nd–1st centuries BC, since the silver vessels were used there for the second time as horse gear furnishings (*phalaroi*). The suggested dating adjusts the chronological position of this site usually regarded as standard for the detachment of Sarmatian culture of the 4th–3rd centuries BC.

³⁰ Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М. – Л., 1940. С. 68.

³¹ См. об этом: Зувев. Материалы к истории... С. 21–22.

³² См. вышеприведенное письмо Коковцова. К сожалению, какими весовыми данными карша и статера пользовался Коковцов при своих расчетах, в настоящее время сказать трудно. Пролить свет на этот вопрос смогут черновые записи ученого, хранящиеся в его архиве. Напомним, что вес фиала был не известен ни Смирнову и Коковцову в 1918 г., ни нам весной 2001 г. Невозможно было решить эту проблему и путем взвешивания фиала № 2: уже после революции работники Оренбургского музея припаяли к нему массивный металлический стержень для удобства крепления экспоната в витрине. И только летом 2001 г. в черновиках писем А.В. Попова Ростовцеву, хранящихся в Государственном архиве Оренбургской области, были найдены точные указания веса обоих фиалов.

³³ Тревер. Памятники... С. 68.